

Геннадий КАНЕВСКИЙ

Памяти АПЦ

жизнь моргнёт – и смерти не станет.
жук-пилот скользнёт по стеклу.
оседлав бумажную стаю
лишних слов, ремень пристегну.
было время – аэропортам
рот кривил и хмыкал в ответ,
а теперь по классу *post mortem*
им взамен достойного нет.
голосам загробным не верю.
лёд полночный – та же вода.
жаль остались разные звери,
да ещё подруга одна,
жёсткий луч, буравящий полночь,
гроздь туч и листьев ряды.
говорит последняя сволочь.
помолчим зато я и ты.
сколько здесь зарянок и соек.
жаль, не сбылся переворот,
как перипатетику стоик
намекал у красных ворот.
но нальют, отпустят нарезку,
и уйдут, как бы ни при чём,
как тогда всплывал маринеско,
раздвигая воду плечом.

12.05.2022

там остался синеглазый призрак,
запах хвои, ветер вдоль реки,

Геннадий Каневский родился в 1965 году в Москве. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый Берег» и мн. др. Автор девяти книг поэзии, выходящих в издательствах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Нью-Йорка. Стихи переводились на английский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премий «Московский наблюдатель» (2013), журнала «Октябрь» (2015), специальных премий «Московский счет» за книги «Сеанс» (2016) и «Всем бортам» (2019). С 2022 года проживает в г. Холон (Израиль). В «Волге» публикуется с 2009 года.

первый снег, пришедший по-английски,
и привыкшие аскасть и рыскать
плотной пустоты ученики.

тут, в далёкой мутноватой перди,
в городе – резиновой свинье –
кончилось в припрятанном конверте
кое-что для радости и смерти,
из-за моря присланное мне.

пальмы сохнут возле прежней вписки.
возле новой кактусы цветут.
как у бога рак на горке свистнет,
как у чёрта грязь в полнеба брызнет –
что мне делать между там и тут?

эти нарекут меня данила.
те уверены, что я иван.
проходи, что пялишься, мудила?
лепечи, послушное ветрило.
болбочи, угрюмый океан.

дождь и здесь бывает.
некий.
зимний сполох.
краткий след.
и тогда в пустынях реки
появляются на свет.

лишь в одной из ванных комнат
сну-бродяге
иногда
об ином дожде напомним
тепловатая вода:

там, где горизонт
событью
не мешает жать курок,
дождь проходит
серой нитью
(а не красной)
между строк.

и пускай это всё
ролевые модели

прокатить бы тебя
морячок из марсея
вон на той канатке
до той вершины
где и в полдень и в полночь
гуляет ветер
только в полдень горячий
а ночью обычный
и встречаясь вечером
церемонно
приподнимают
свои картузы

затащить бы тебя
медсестричка в платье
на качели эти
и карусели
и потом в музей
чтобы ты дивилась
на корабль финикийский
отрытый в дюнах
и сказала быть
не хочу медсестрою
вновь давай играть
в моряка из марсея

я устал во сне
с тобой обниматься
за четыре тысячи
километров

где летают сначала
ракеты эти
после бомбы те
и тупые дроны

и не знают петь
по ночам тувима
по утрам галчиньского
днем шимборску

«отведи меня
в этот сад зелёный»

«отведи меня
в этот сад зелёный»

вот какое
радостное прощанье
колыбельная песенка
в соль мажоре

захвачены дума и почта
вокзал и районный бедлам
а после мы сделаем вот что
отпустим их всех по домам

под гром боевой кукарачи –
«не так повелось меж людьми!» –
мы просто не можем иначе
мы просто не можем пойми

а те кого мы отпустили
разгонят детсад и приют
вернутся во славе и силе
и нас непременно убьют
разденут под крики и гогот
возьмут в шомпола и тиски

они по-другому не могут
и тем мы друг другу близки

«жизнь, отвяжись», – говорит смерть истово, –
«ты и так везде, это я – нигде».
и тогда жизнь отвязывается от пристани
и плывёт-плывёт по воде-воде,
развлекая свет, рассыпая золото,
взяв мешок сухарей и бурдюк вина.
её ноги длинные, её платье коротко,
смерть при виде этого смущена.

смерть творит молитву, кладёт за правило
три поклона в час и пятничный пост,
жизнь ещё и постель за собой не заправила,
там цветы и крошки, табак и пот,
там ещё – а впрочем, какая разница?
смерть уже повсюду, куда ни глянь.

так подайте копеечку ради праздника –
зря мы, что ли, встали в такую рань?

развязали войну заглянули внутрь
там во тьме в отражённом свете
глаза её мерцали как перламутр

написали о ней в социальные сети

тут пошли пожертвованья концерты
пресмыкания тел в пыли

вы зачем говорите «черти»? –
мы же сделали всё что могли

завязали войну чтобы больше её не видеть
кинули на дно отдалённых вод
отвернулись сделали выдох

повернулись вновь
а она всплыла
и плывёт

алисе р.

воздух, плывущий по волнам спин,
как никогда, горяч.
пляж сериала. сезон один.
таня роняет мяч.
мяч покидает совместный чат
отдыха и войны.
«нет! мы теряем его!» – кричат
танины друганы.

мяч, ты свободен. беги отсель
наперекор волне.
прямо по курсу блестит марсель
в новой, чужой стране.
кто-то шипит про тебя «мудак».
где-то земля горит.
ты не утонешь, поскольку так
агния говорит.

возьми нас туда, где ничего не болит:
в прошедшее время, несовершенный вид,
где ходят сейнеры из устья, что ли, дивины,
где дни весенние с летними сплетены.

где всё вы врётё, учи вас иль не учи.
где на повороте в кармане звенят ключи:
первый от славы, второй забыл от чего,
третий – от правого предсердия твоего.

я не хирург и дальше не проникал.
дверцу наружную бережно отмыкал.
удивлялся как солнечно в самом начале дня.
ревновал что кто-то здесь побывал до меня.

включи же камеру, затемнение и задний ход,
маши руками, ломай каблуками лёд,
прячься за шторами, ладони прижав к груди,
сделай хоть что-нибудь, только не уходи.

эти приёмы я готов повторять стократ:
платья, шиньоны, стрекочущий аппарат,
пальчики, лучики, и в закатном огне
крутится, крутится вентилятор в твоём окне.

лямка с плеча незаметно сползла.
как бы скользнул в эту щель я!
ты не ответила мне за козла:
это козёл отпущенья?

здравствуй же, грусть. в этом месяце с ней
нам повстречаться нетрудно:
плесень депрессии в песни песней
всё проступает подспудно.

где на дорогах и стройках скрипят
речи сезонных рабочих,
там, говорят, ожидают опять
варваров, всадников, прочих,

там, говорят, появилась сама,
нас накануне рассоря,
эта, в твой город пришедшая, тьма
со средиземного моря.

Памяти ЛСР

лень вставать и до ночи слоняться,
отгонять кадавров и лисиц.
после каждой смены декораций
пыль густая в воздухе висит.
карточка заполнена, и снова
на убогом шуке бецалель¹
продается грёбаное слово
из далёких северных земель.
горстка сна на сморщенной ладони
из ночной протянута стены,
и слова-слова потусторонне,
но понятно соединены.
памяти кого бы не хотелось
затрещал фонарик и погас:
мелос логос мелос логос мелос
ахтунг ахтунг автор среди нас

¹ Тель-Авивский рынок.